

Е. Гениева: «Библиотека должна удивлять»

— Екатерина Юрьевна, на страницах нашего журнала большое интервью с Вами было опубликовано почти пять лет назад. Какие изменения произошли за этот период в Иностранке?

— Главные изменения, которые произошли с тех пор, – это дальнейшее не только стратегическое, но и практическое преобразование, трансформация публичной научной библиотеки с традиционными и электронными носителями в социокультурный центр. Наша библиотека образована в силу многих исторических причин. Не будь революции 1917 года, возможно, её и не было бы. Но поскольку была общая тенденция: национальное наследие – это одно, а зарубежное – другое, так случилось. Как я люблю повторять, «история – дама капризная, сослагательного наклонения не терпит», поэтому появилась библиотека, которая в других исторических условиях могла быть просто частью фонда национальной библиотеки.

Из-за того, что у нас есть природная специфика, мы нередко оказываемся в чём-то впереди других библиотек – вовсе не потому, что мы умнее, а потому, что всё время обосновываем правомерность своего существования в библиотечном мире. Вследствие этого появляются различные новации. Например, мы заговорили о библиотеке как социокультурном центре, когда этих слов ещё никто и не произносил. При этом тогда мы понимали, что это наше будущее, и, как оказалось, это будущее библиотек не только России, но и всего мира. Этот вопрос для меня особый. В своё время я защитила по этой теме докторскую диссертацию. Приятно слышать в разных СМИ, выступлениях деятелей культуры, от которых зависит будущее библиотек, некоторые пассажи, напоминающие текст этой диссертации. Это означает, что мои идеи приобрели российское, а, может быть, и европейское звучание. Думаю, что наша деятельность согласуется с Манифестом публичных библиотек ЮНЕСКО, потому что все рассуждения Генерального секретаря ЮНЕСКО о новом гуманизме, о поисках смысла в библиотеке, о территории толерантности, милосердия, просвещения – это всё методология социокультурного центра.

— Изменились ли принципы комплектования, насколько расширилась тематика, какие появились новые коллекции?

— На сегодняшний день нам грех жаловаться на отсутствие средств для пополнения фондов. Можно пожаловаться на сильно мешающее нашей профессиональной деятельности законодательство о закупках. И пока политической волей оно не будет отменено или решительно изменено, госзакупки останутся лишь источником коррупции.

Большая часть наших собраний связаны с международной составляющей. Так, недавно в библиотеке появилась болгарская коллекция. В течение многих лет тема славянского мира и коллекций – переводных и на языках оригинала – была нами упущена, что, конечно, неправильно. Сегодня библиотека внимательно относится к этому вопросу, более того, мы стараемся, чтобы славянский мир был достойно представлен в нашей издательской деятельности. Я вижу в этом одну из наших стратегических и идеологических задач.

Вы знаете, есть ещё одна специфика. Конечно, приятно говорить о том, что у тебя находится в доме, какие у нас замечательные коллекции. Но, если мы говорим о государственной политике, то нужно иметь в виду и коллекции, отдалённые от нас. И это – стратегическая цель нашей программы возвращения. Те переговоры, диалоги, которые мы проводили на протяжении долгих лет с нашими немецкими партнёрами о том, что подлежит возвращению согласно закону о перемещённых ценностях, что не подлежит, привели к некоторым удивительным с профессиональной, человеческой и политической точек зрения последствиям. Во ВГБИЛ примерно 40 тыс. перемещённых культурных ценностей. Среди них есть коллекции так называемых немецких антифашистов, но это неправильное определение, это немецкие «декабристы», судьба которых была столь же трагичной, как и судьба наших декабристов. Это те, кто совершал покушения на Гитлера, – Харденберг, Йорк фон Вартенбург и Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург. Когда мы показывали коллекцию фон дер Шуленбурга,

посла, который вынужден был объявить войну Сталину, и который, кстати сказать, был замечательным библиофилом, на эту выставку приехали его родственники. И, потрясённые тем, что кто-то занимается их наследием, а точнее сказать, собственностью, они, вернувшись назад в свой замок Фалькенберг и изучив книжные шкафы, обнаружили, что там стоят неизвестные им книги со странными штампами. И вместо того, чтобы послать запрос в Стадс-библиотек, они прислали его нам. Оказалось, что это книги, вывезенные нацистами из Павловска из библиотеки императрицы Марии Фёдоровны.

В декабре на очередном российско-германском диалоге в Лейпциге была осуществлена физическая передача этих книг в Россию. Это и есть возвращение. Но это мгновенно поставило вопрос среди библиотечного сообщества: если из этой библиотеки были вывезены 2350 книг, а вернулись 135, то где остальные? Выяснилось, что остальные разошлись по библиотекам России. Это непростая задача – убедить их вернуть.

Когда мы говорим о едином культурном пространстве мира, то, на мой взгляд, не так важно, где книга находится физически, но очень важно, что исторически она находится там, где ей и полагается. Мы сейчас работаем и над другими проектами, в частности с Израилем.

— Что изменилось для читателей? Как Вы оцениваете динамику читательской активности, как меняется аудитория?

— Изменения коснулись реорганизации библиотечного пространства. Если говорить библиотечным языком, мы максимально приблизили наш пятимиллионный фонд к читателю: сделали уголки чтения в нашем огромном читальном зале, изменили дислокацию отделов. Очень важно прислушиваться к «позывным», которые исходят от читателей. Нередко они представляются очень странными: в библиотеку приходят разные люди. А иногда в них есть разумный смысл.

За переорганизацией пространства последовала ещё одна вещь. Конечно, по сравнению с 1990-ми гг. количество книговыдач физическому читателю уменьшилось. Это общемировая тенденция. Но нередко бывает, что я ухожу с работы после 11 вечера, и это даже раньше, чем уходят последние посетители и потребители некоторых услуг библиотеки. Показатели посещаемости растут именно в данном направлении. И это социокультурное действо. Казалось бы, зачем ходить в библиотеку в Москве ночью? Есть телевидение, Интернет. И это, на мой взгляд, сегодня один из главных вопросов библиотечного дела. Интернет – отличное изобретение человечества, часто полезное, часто опасное. Но там отсутствует то, что есть и ценно именно в межличностном общении, – мы видим выражение глаз, мимику собеседников. И поэтому жизнь и деятельность ВГБИЛ подтверждает, что прямое общение – это смыслообразующая коммуникация. Видимо, это запрос времени, столь бурно развивающегося технически. У нас нет проблем с посетителями выставок, лекций, поэтических и музыкальных вечеров.

На мой взгляд, модернизация, по сути, – это не слияние библиотек с целью освобождения площадей, а новый взгляд и ответ на очень жёсткий вопрос: нужна ли традиционная библиотека? Наверное, нужна, но с оговорками. Возможно, если мы встретимся через пять лет, то будем обсуждать принципиально что-то другое. Не исключаю, что через 10 лет Вы зададите вопрос: «Что произошло с традиционной книгой? Она превратилась в глиняную табличку или всё-таки имеет право на бытование?» От того, что мы поём гимны печатной книге, ничего не меняется. Есть ещё жёсткая правда жизни, и для того чтобы библиотека нашла своё место в этом меняющемся мире, нужно приложить старания.

Последние полтора года я задумываюсь вот над чем: в огромном количестве наших библиотек, особенно провинциальных, нередко можно увидеть цитаты Д.С. Лихачёва о том, что библиотеки – это самое важное, что в библиотеках работают последние святые, и ещё одну фразу: если в мире всё погибнет, но останется хотя бы одна библиотека, то мир возродится. Думаю, что те, кто вешает эти цитаты, находятся под обаянием личности Д.С. Лихачёва. Но что означает эта фраза? Библиотека – это Ноев ковчег? Голубь, которого мы выпускаем над водными просторами мировой катастрофы? А не слишком ли много библиотека о себе возомнила? Традиционная – точно много. Нетрадиционная, которая понимает, что книга на

любом носителе – это тайна и ответ на загадку смысла мира и мироздания – думаю, что нет. И в таком случае это великие слова Д.С. Лихачёва, которого современники недостаточно понимали, а сейчас его идеалистическую концепцию защиты прав культуры научными словами повторяет ЮНЕСКО: библиотека

– это территория поиска смысла. Я очень надеюсь, что ситуация, когда «всё погибнет», не наступит. Но, глядя на «погоду за окном», стоит об этом задуматься в труднейшей, запутанной, политически перегнутой, напряжённой ситуации, в которой мы оказались в 2014 году. Наверное, сегодня нам стоит задаться вопросом: что мы можем сделать для того, чтобы этот мир стал хоть чуть-чуть лучше, чтобы мы не шли друг на друга, чтобы не было страшной братоубийственной войны?

Я полагаю, что в этом смысле библиотека как территория культуры становится чрезвычайно важной. Это то место встречи, которое, в общем, изменить нельзя. Это территория, которая может примирить страсти, политическую, этическую и нравственную рознь в силу своей генетической природы. Что такое библиотека? Сюда может прийти каждый. Вне зависимости от политических взглядов, профессиональной принадлежности библиотека обязана принимать всех. Это место диалога. Мы хотим показать, что мир неделим с точки зрения культуры.

— Как сегодня, в условиях непростой политической обстановки, складываются отношения ВГБИЛ с зарубежными партнёрами? Политика пришла в сферу культуры и библиотечного сотрудничества?

— Всё это, к сожалению, правда, она пришла и она очень опасна, потому что зависит от конкретных людей. Я абсолютно не убеждена, что те решения, которые принимаются на самом высоком уровне, адекватно транслированы на средний уровень. И вот этот средний уровень принимающих решения может завести всё в тупик.

Тем не менее Министр культуры РФ на совместном с Британским советом открытии выставки Оскара Уайльда в Музее изобразительных искусств произнёс замечательную речь, в которой прозвучали слова о том, что политики отменяют перекрёстные года, но мы ничего не отменяем, а работаем на территории культуры. Поляки отменили перекрёстный год. Мы же продолжаем работать, делаем «Вестник Европы» о Польше, приглашаем польских коллег, думаем о премиях, которые можем им дать. Если мы и здесь не будем работать, то, боюсь, слова Д.С. Лихачёва о том, что всё погибнет, станут пророчеством Кассандры.

— В прошлом году Совет Федерации ратифицировал передачу Австрии коллекции Эстерхази. Осуществилась ли передача фактически? Известно, что ВГБИЛ на тот момент начала оцифровку коллекции. Насколько успешно она была реализована?

— Коллекция уже находится в Австрии. Самая ценная её часть оцифрована за деньги российского правительства. Это было одно из наших условий: коллекция возвращается, но она должна остаться в российском и мировом пространстве. Сейчас австрийские партнёры завершили оцифровку второй части коллекции, и они обе войдут в Национальную электронную библиотеку России. Опять же могу сказать, что без концептуальной деятельности библиотеки её никто никогда бы не вернул, потому что нельзя возвращать миф. Поэтому моя позиция в отношении коллекции Шнеерсона такова: давайте сначала поймём, что в этой коллекции, а дальше будем решать, что с ней делать.

— Какие кадровые изменения произошли после прошлогодних инициатив Минкультуры России по оптимизации? Какова сегодня средняя зарплата сотрудников библиотеки? Удаётся ли привлекать молодёжь? Какие виды мотивации Вы используете?

— Одна из моих главных задач – чтобы люди, которые работают во ВГБИЛ, не чувствовали себя «последними святыми» на Руси. При всём моём глубочайшем уважении к Д.С. Лихачёву я всегда говорю, что мне приятно смотреть на красивых молодых женщин, замечательно выглядящих, хорошо одетых, с хорошим знанием языков. Не менее приятно смотреть на молодых мужчин. Это не значит, что я недостаточно ценю сотрудников с опытом, я сама принадлежу к их числу, работая в библиотеке 40 лет. Но не менее ценю взгляд молодых.

К нам приходят молодые люди, и у нас их много – и докторов, и кандидатов наук. Фактор старения, который есть во всём мире, существует и в России, но к нам молодёжь идёт. Недавно у нас побывала О.Ю. Голодец, мы показали ей библиотеку и как всё устроено. Выйдя из отдела реставрации, где увлечённо работала молодая сотрудница, Ольга Юрьевна спросила: а почему она работает в библиотеке? Я ответила, что это совпадение её образования и профиля работы, с одной стороны, а, с другой, хорошая зарплата. Это сейчас мы получаем и повышение зарплаты от министерства, и квартальные премии, но и раньше доходы сотрудников были для меня одним из приоритетов.

Средняя зарплата у нас доходит до 60 тыс. рублей. Я не могу сказать, что это хорошие деньги для столицы, Москва – очень дорогой город. Но есть ещё один фактор. Я убеждена, что лучше один раз увидеть, чем много раз услышать. Поэтому если у нас есть внебюджетные деньги, я их с удовольствием трачу на то, чтобы сотрудники ездили, смотрели, общались и возвращались со знаниями о мировом культурном пространстве. Я этому научилась, когда была ещё молодым директором. Но на самом деле, и это надо признать, трудность нашего музейного, архивного и библиотечного пространства в том, что мы хотим, чтобы сегодня было точно как вчера, а ещё лучше, чтобы читатель приходил, но книгу не трогал. Это всё глубоко неправильно. А для того, чтобы было правильно, нужно не только об этом вещать с трибун, а дать людям возможность посмотреть, как дело обстоит у соседей. Когда я устала говорить, что читатель не всегда – враг, то поняла: лучшее, что я могу сделать – отправить специалистов в международную поездку, скажем, в ИФЛА, и пусть они сами выяснят, хорошо это или плохо. Я это сделала. Коллеги, вернувшись, мне же и объясняли, что я должна сделать, чтобы эти инновации были претворены в нашей библиотеке.

Позиция ИФЛА по *life long learning* – непрерывному профессиональному образованию – это «гамбургский счёт», способ постоянно проверять себя. В эту концепцию укладываются зарплата, профессионализм, интерес и самореализация. Я не разделяю точку зрения руководителей, которые считают, что их деятельность – самая важная. Короля играет свита. Только если свита состоит из умных, образованных, талантливых людей, это становится достоянием и руководителя, и самого учреждения. Это непростая доктрина, но она учит многим вещам, в частности терпению и смирению. Иногда очень хочется сказать: «Будет вот так!», но это неправильно. Лучше выслушать, прислушаться. Не всегда это легко.

— Какова внебюджетная деятельность библиотеки, какие платные услуги оказываются читателям?

— Мне и приятно, и трудно говорить о внебюджетной деятельности библиотеки, потому что у нас она существует уже лет 25, и, конечно, в определённые годы именно она в значительной степени спасла библиотеку. У нас приблизительно 60% от бюджета занимают привлечённые из других источников средства, а бюджет составляет около 6 млн долларов. Но это всё равно небольшие цифры для такой структуры, как наша библиотека, здание которой, как и система отопления, требует капитального ремонта.

Внебюджетная деятельность существует, и мне в ней очень важна транспарентность. Эти деньги находятся в ведении международного попечительского совета, на заседаниях которого мы определяем направления внебюджетных трат. То, чего мне не хватает в бесконечных отчётах перед Минкультуры, – это возможности заниматься деятельностью. Наши отчёты – в основном о том, сколько читателей к нам пришло и сколько книг мы выдали. Статистика, конечно, вещь нужная, но недостаточная. Привлечённые средства выделяются на издательскую, просветительскую деятельность, на семинары, стажировки.

Мы довольно уникальная библиотечная структура. Не думаю, что где-то в мире есть аналог публичной, научной, общедоступной библиотеки в сочетании с таким количеством международных культурных центров. Мы их создавали тоже как веяние времени. Юридически, да и политически к этому можно относиться по-разному. Мы, возможно, самый крупный агент российского влияния на диалог с другими странами. Но как это юридически отразить в документах Минкультуры и наших законах? Тогда возникла идея создать в библиотеке российский международный культурный центр. В реальной жизни это означает, что мы,

обладая болгарским, французским, американским, японским, британским, турецким, голландским, еврейским культурными центрами, расширяем сферу этого сотрудничества. Минкультуры России выделяет субсидии на то, чтобы мы могли приглашать в Россию представителей Греции, Франции, Германии – переводчиков, библиотекарей, музейщиков, журналистов, благотворителей и т.п. Они приезжают, им полностью оплачивается проживание в не самом дешёвом городе мира – Москве. Для них организуется программа, но требуется, чтобы они, уезжая после такой философско-профессиональной стажировки, написали, что они увидели, поняли или нет, чем были озадачены в России. К примеру, в Болгарии есть замечательный, очень ироничный писатель Светлозар Игов. Он приехал по приглашению нашего Международного культурного центра и честно говоря был настроен с определённой долей скепсиса – всё видел, всё знает. Но когда он оказался в музее М. Цветаевой, где для него сделали специальную программу, что-то в этом скептическом взгляде растопилось. Он написал замечательное эссе о России. Это дорогого стоит. А когда мы впервые благодаря этой программе сумели привезти детей из Израиля и совместно с РГДБ сводили их на «Лебединое озеро», испекли им торт в виде книги, а потом все вместе эту книгу съели, это ведь тоже вклад в будущее. Самые сильные воспоминания – детские. И если в детстве этот ключик найден, то это замечательно.

Минкультуры поддерживает нашу инициативу, бюджет, который мы в сентябре получили на этот проект, вполне достойный – 10 млн рублей. Другое дело, что мы независимо ни от чего всё равно делали эту программу весь год – с Ираном, Китаем, Болгарией, США.

— **Завершается Год культуры. Какие проекты, приуроченные к именному году, были реализованы ВГБИЛ им. М.И. Рудомино? В начале года Вы говорили о Перекрёстном годе России и Великобритании, 450-летию У. Шекспира, программе большого чтения...**

— Понятно, что главная тенденция сегодня – Национальная электронная библиотека, но поскольку я много езжу по провинции, то знаю, в каком состоянии находится большинство библиотек, у них нет никакого ресурса. ВГБИЛ – очень богатая библиотека и по фондам, и по возможностям, поэтому мы стараемся профессионально делиться с коллегами, придумав программу Ex Libris. Мы не берёмся за комплектование библиотек страны, это государственная задача, но можем постараться закрыть некоторые лакуны. Издавая 80 наименований в год, выпуская дополнительные тиражи за счёт средств Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Минкультуры России, международных культурных центров, мы поставляем лучшие книги в регионы. Это получился не просто библиотечный, а гражданско-общественный, культурно-просветительский, образовательный проект, и мы помогаем не областной библиотеке, а фактически конкретной области. На сегодняшний день мы поддержали 30 регионов, а минимум комплектов, которые пошли на каждую из этих территорий, – 20. Если считать, что средняя цена книги – 250 рублей, получается вполне серьёзно. Эта программа увлекает и других участников, которые предоставляют свои издания, – «РОСПЭН», «Наше Наследие», «Текст» и др. Отдельный вопрос логистики, как эти книги попадают, допустим, во Владивосток? В нашем случае фонд М. Прохорова «Гражданская платформа» берёт на себя обязанность по доставке книг «от двери до двери». Сейчас мы послали в Севастополь 43 комплекта, и есть уверенность, что они дойдут.

Что ещё есть в этом проекте – Год культуры? Программа «Писатели и библиотеки», в которой участвуют такие знаменитости, как Варламов, Улицкая, Бардин, переводчики, литераторы, издатели, и всё это оплачивается.

Наши программы связаны и с У. Шекспиром, и с М.Ю. Лермонтовым. Одной из задач стало соответствие новому представлению о библиотеке. ЮНЕСКО пишет: в современной библиотеке важно просто побыть. Переводя на наш язык, это означает, что нужны ремонт, мебель, кафе, книжные магазины. Библиотека должна удивлять и организацией пространства, и своей издательской деятельностью. Издать «Бурю» Шекспира – дело нехитрое. Издать его в новом переводе – уже любопытно. Попросить А. Филиппенко прочитать в библиотеке моноспектакль, а «Кофеманию» – испечь торт «Буря» весом в 42 кг и съесть Шекспира –

дерзко. Издать «Бурю» в инновационном варианте с раскрывающимися декорациями в книге – это ещё интереснее. Это действительно дорогое издание, спонсированное в том числе и бизнесом, но его покупают. И вы знаете, если такая книга остаётся в семейной библиотеке, то вопрос о бумажной и электронной книге сам собой примирительно решается. То же самое мы сделали с М.Ю. Лермонтовым.

В Коломне, где производят душистые масла и историческую пастилу времён Ф.М. Достоевского, мы сделали «Лермонтовскую коробку». Это фактор удивления. Вы открываете коробку и... слышите звуки вальса «Маскарад» Хачатуряна, видите копию шарфика Нины, ощущаете аромат духов Наталии Николаевны Гончаровой, который мы воспроизвели. После этого трудно говорить занудно о Лермонтове. Вы знаете, я никогда не представляла, что наша почти шутливая идея будет предметом профессионального интереса ЮНЕСКО. Они заказали в Коломне 40 таких коробок.

Очень важно, что мы делаем здесь, в Москве, но не менее важны региональные проекты. Наша программа «Большое чтение» прошла в Саратове, Пензе, Тарханах, Кемерово, Нижнем Новгороде, Курске, Сургуте. И мне неважно, большие это библиотеки или маленькие. Библиотека – это место встречи. Думаю, что вся программа, которая перейдёт и на Год литературы, будет связана с классикой.

Независимо от того, отменили или нет перекрёстный год, мы будем делать антологию польской поэзии, польского романа. Недавно прошёл конгресс переводчиков. До последнего момента я думала: санкции, не приедут. В итоге приехали представители 55 стран. Да, там были политические выступления на тему России и Украины: имеют право, но лучше это делать публично, чем в кулуарах.

Почему для меня очень важны многочисленные двуязычные издания, кроме того, что это хорошие интеллектуальные книги? Это идеологическая, стратегическая задача, это ведь образ России. Можно повторять: «Пушкин – великий поэт», но если человек не владеет русским языком, то он этого не поймёт. Это уникальные книги для обучения в языковых университетах.

Не так давно мы сделали Культурную карту Курской области. У губернаторов должно появиться понимание важности тютчевских, толстовских, тургеневских мест, – это ведь не что иное, как локальная идентичность территории. Это гении места, которые в экономической жизни области должны способствовать привлечению инвестиций, в первую очередь с помощью культурного туризма. Конечно, к таким проектам нужно готовиться заранее.

— В мае состоялись очередные перевыборы президента РБА. Как оцениваете деятельность Ассоциации за последние годы? В чём проблемы и пробелы в организации её деятельности на современном этапе?

— Я неоднократно говорила, и могу повторить, что я за сменяемость, и вовсе не потому, что руководители РБА – не профессионалы. Возможно, их программы будут различаться, но это и есть диверсификация. Иначе при индивидуальном блеске каждого проявляется «усталость металла».

Мне не хватает отчётливо звучащего голоса нашей библиотечной Ассоциации. Это не я должна писать письмо президенту ИФЛА о том, что мы должны работать на территории культуры, а РБА. Мы ведь говорим не просто о каталожной карточке, а о смыслах. А смыслы требуют цены поступка. Этой цены поступка мне не всегда хватает в РБА. Возможно, я требую слишком много, но этого я требую и от себя.

— Не секрет, что участие отечественных отраслевых общественных организаций (и библиотечных, в том числе) в международных профессиональных Ассоциациях и объединениях по большей степени носит, к сожалению, процедурный характер. Причин этому немало: о нас мало знают, мы в основном «зациклены» на внутренних проблемах, которые западных коллег не особо интересуют, нередко существуют проблемы со взносами, языковой барьер. А есть ли направления, по которым отечественные библиотеки или российские специалисты сегодня являются безусловными лидерами? Поделитесь Вашим профессиональным видением улучшения международного позиционирования российского библиотечного дела.

— Вы знаете, как всегда, правда где-то посередине. У нас самое крупное представительство на конгрессах ИФЛА, но мало кто говорит на иностранных языках, нет соответствующих компетенций. В чём была задача моего вице-президентства в ИФЛА? Увеличить количество членов, чтобы мы были видимы. Мы стали видимы. Мы – самая крупная библиотечная империя мира. В мою бытность туда приезжали министры культуры. Боюсь, что сегодня поезд уже ушёл. И ИФЛА уже не та, она очень бюрократизировалась, и ей, как и нашей ассоциации, не хватает лидера. Но у нас есть программы, то же саратовское «Большое чтение», которые вызывают колоссальный интерес в ИФЛА. Это очень важно, особенно когда «погода на дворе» не лучшая. Я не испытываю недостатка в контактах с зарубежными коллегами. Более того, мы им можем показать путь в «светлое будущее». Есть очень хорошее определение: часто Западу важна технология, а нам нужен смысл. И здесь мы, конечно, лидеры. Но лидеры должны продвигать свою точку зрения.

— **Какова Ваша позиция по отношению к обновлённому проекту Национальной электронной библиотеки? Каково участие ВГБИЛ в этом проекте?**

— Я не знаю, кто его обновил, хотелось бы понять, каким он был в предыдущем варианте. Я очень опасаясь, что в конце декабря там особо нечем будет отчитаться, но дай Бог, чтобы я ошибалась. Наше участие в НЭБ несколько ограниченное, потому что мы оцифровываем переводы иностранной литературы с очень сложными вопросами авторского права, перемещённые культурные ценности. Считаю, что в век электронной культуры не важно, где книги физически находятся, важен доступ.

— **Ваше мнение и оценка проекта «Основ государственной культурной политики»?**

— Скажу так – хорошо, что кто-то захотел этим заняться, что у этих «Основ» была не одна и не две редакции, что её обсуждали. Хорошо бы, чтобы в «Основах» было больше, чем один абзац, о библиотеках. Это то, о чём мы уже говорили, – где голос отрасли? В 2013 г. в Санкт-Петербурге прошёл международный конгресс культуры. Там были музеи, театры, цирки, – все, кто угодно, но мало библиотек. Надеюсь, что в этом году мы объединимся и будем себя активнее позиционировать. Это всё к вопросу, насколько мы видимы.

Последний вариант «Основ», конечно, уже лучше. Меня встревожили слова, что мы не Европа, но они уже сглажены. Патриотизм – вещь замечательная, но вот был ли Лермонтов патриотом? Вы скажете: «Конечно, да!» Но с сегодняшней точки зрения – не был: «Прощай, немая Россия». Когда мы говорим о воспитании патриотизма, то должны иметь в виду не ура-патриотизм, а гордость за своё место, с чем и связана наша программа локальной идентичности территорий. Нам нужен просвещённый гражданин, а не тот, кто выкрикивает, что ненавидит Америку, потому что она виновата во всех наших бедах.

— **Чего Вы ожидаете от Года литературы?**

— Я ожидаю, что по прошествии Года литературы, когда мы остановим кого-нибудь на улице и зададим вопрос «Вы читали «Мёртвые души»», то получим ответ: «Да, Гоголь написал замечательное произведение» или «Мне это произведение кажется скучным». «А что вы думаете по поводу главной героини самого знаменитого романа в стихах мировой литературы?» – спросим мы. – «Вы имеете в виду "Евгения Онегина"?» – нам ответят. Я думаю, что это будет хорошим итогом Года литературы. А говоря глобально, у нас всё окрашено в литературные краски – что Год культуры, что Год литературы... А ещё я ожидаю от Года возможности примирения страстей. Конечно, наша классика, переводы, влияние русской литературы на мировую, – это всё приоритеты Года литературы. Но для меня конечная цель – та, которую я обозначила выше.

— **Какие задачи Вы считаете приоритетными для библиотечного сообщества на ближайшую перспективу?**

— Сохраняя сеть 43 тыс. публичных библиотек страны, 117 тыс. со школьными, необходимо конкретизировать то послание, которое есть в библиотеке – для чего она? А если она ни для чего, то лучше не тратить на это силы и средства. Я ожидаю, что в библиотеке будут работать люди, которые хорошо понимают, что это за странная профессия. Ведь на самом деле это не только хранитель фонда. Это актёр, психолог, педагог, это какая-то новая специальность.

Я ведь не библиотекарь по образованию. Думаю, что некий феномен успеха ВГБИЛ в том, что её создавала замечательная М.И. Рудомино. У неё было видение. Она, рискуя положением, брала на работу людей из «бывших». У неё машинистками были фрейлины императорского двора. Вот это был риск! Она никому не обещала благосостояния, но она спасала кибернетиков и генетиков. По сути, она создала генофонд, ноосферу, которыми мы по сей день пользуемся. Он практически неискореним. Это – философия библиотечного строительства.

— **Пять лет прошло после издания «Великих спутников», нет ли новых творческих замыслов?**

— Сейчас, как Вы заметили, я увлеклась Лермонтовым, только сейчас завершила работу «Загадки М.Ю. Лермонтова». Тема, которая меня очень волнует, – это его несоединимые личность и творчество. Малоприветный, тяжёлый человек – и гениальный поэт. Есть и другие планы. Мне посчастливилось знать множество замечательных людей, которые оказали на меня значительное влияние. Со зрелостью приходит другое восприятие жизни. Память – странная вещь, очень выборочная. Действительно, целая вереница людей оказались для меня великими спутниками – и Лихачёв, и Волошин, и Соловьёв, – они не могли не влиять на меня. Это и те люди, с которыми я познакомилась на библиотечном поприще. Это моя дружба с Людмилой Улицкой, феномен личности о. Александра Меня, который оказал на меня огромное влияние. Планы есть, было бы побольше времени, потому что пишу, в основном, в самолёте.

— **Немного странно спрашивать Вас о читательских предпочтениях, уверена, что ответом на этот вопрос могла бы быть отдельная статья. Тем не менее переформулирую вопрос: какая книга из прочитанных недавно, Вас по-настоящему «зацепила»?**

— Вы знаете, недавно я перечитала «Силу и славу» Грэма Грина. Это очень серьёзная книга о цене поступка, о которой мы говорили. Перечитывала Егора Гайдара. Изучила всё наследие М.Ю. Лермонтова, поняла, что не очень хорошо знала этого поэта. Что меня «зацепило»? Меня «цепляет» всё время одно и то же – маленький семейный сборник А.С. Пушкина. Одно из моих любимых стихотворений, которое я часто перечитываю, – «Молитва оптинских старцев». Пожалуй, чтение в моём случае – это довольно странное занятие. Я всё время что-то читаю по долгу службы. Но правильный вопрос – что для меня важно в конце дня. Вот я Вам честно и отвечаю – томик Пушкина.

— **Спасибо!**

Беседовала Елена Бейлина